

регулярными в такой степени, чтобы сколько-нибудь существенно скорректировать преимущественно натуральный характер раннефеодальной экономики.

Охарактеризованные выше процессы феодализации франкского общества наиболее интенсивно протекали в северо-восточной части страны, где переход к новым общественным отношениям происходил в результате синтеза первобытно-общинных традиций франков с позднеантичной политико-правовой системой галло-римского общества. Институты крупной земельной собственности Галлии, построенные на традициях римского права, легли в основу формирующейся аллодиальной собственности франкской знати. VII век прошел под знаком постепенной унификации крупного землевладения галло-римской и франкской аристократии; этот процесс шел параллельно со смешиванием и слиянием двух названных этно-социальных категорий. Аналогичные процессы затрагивали и все остальные прослойки населения в рамках заложенного Хлодвигом политико-территориального единства.

Таким образом, формирующиеся феодальные отношения явились результатом синтеза двух разлагавшихся укладов, носителями которых первоначально являлись победители и побежденные. В южной Галлии, где масштабы франкской экспансии были в свое время не столь значительными, старые рабовладельческие порядки, сложившиеся в предшествующие века римской колонизации, оставались более прочными, и потому процесс их трансформации в феодальную систему оказался более замедленным. Условной границей между франкским Севером и галло-римским Югом была река Луара. Различия между двумя указанными регионами, порожденные двумя отличными один от другого путями становления феодализма, заметно ощущались на протяжении многих последующих столетий франкской, а затем и французской истории.

VIII—IX вв., составившие особый период в развитии Франкского государства, характеризовались серьезным по своим социально-политическим последствиям *аграрным переворотом*, суть которого состояла, во-первых, в переходе основной массы земли в собственность крупных землевладельцев франкского и галло-римского происхождения, и, во-вторых, в концентрации в их руках все большего объема политической власти.